

УДК 1/ 316.485.26/ 327.3

УМИРОТВОРЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СПОСОБЫ ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ЛЕГИТИМНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Н. Е. Лукьянов, А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
nikolaylukyanov70@gmail.com; aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются случаи интеграции террористических организаций в легитимное политическое пространство. На основе анализа уровней влияния внутренних и внешних (по отношению к государству) связей террористических организаций предложена их типология. Указаны типы организаций, чьи характеристики способствуют интеграции. Проведен сравнительный анализ онтологических оснований концепта «террористическая организация» в инструментальном (Т. С. Шеллинг, А. Шмид) и организационном (П. Уилкинсон, М. Креншоу) подходах. Обобщение ряда идей концепций организационного подхода позволило построить объяснительную модель сохранения и интеграции террористических группировок. Описаны четыре способа интеграции, различающиеся по уровню принятия политической системой требований группировок и их роли в политическом процессе.

Ключевые слова: террористические организации, типы террористических организаций, предпосылки и катализаторы терроризма, способы интеграции, Первая чеченская кампания, Вторая чеченская кампания.

Для цитирования: Лукьянов, Н. Е., Изгарская, А. А. (2023). Умиротворение террористических организаций и способы их интеграции в легитимный политический процесс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139

APPEASEMENT OF TERRORIST ORGANIZATIONS AND WAYS FOR THEIR INTEGRATION INTO THE LEGITIMATE POLITICAL PROCESS

N. E. Lukyanov, A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
nikolaylukyanov70@gmail.com; aizgarskaya@gmail.com

Abstract. The subject of the study is cases of the integration process of terrorist organizations into the legitimate political space. Analysis of the degree of influence of internal and external relations (in relation to the state) on terrorist activities made it possible to propose a typology of terrorist organizations. The types of organizations whose characteristics contribute to integration are indicated. A comparative analysis of the ontological foundations of the concept of “terrorist organization” was carried out in the instrumental (T. C. Schelling, A. Schmid) and organizational (P. Wilkinson, M. Crenshaw) approaches. Generalization of a number of ideas from the concepts of the organizational approach made it possible to construct an explanatory model of the preservation and integration of terrorist groups. Four methods of integration are described, which differ in the level of acceptance by the political system of the demands of groupings and their role in the political process.

Keywords: terrorist organizations, types of terrorist organizations, prerequisites and catalysts for terrorism, methods of integration, First Chechen war, Second Chechen war.

For citation: Lukyanov, N. E., Izgarskaya, A. A. (2023). Appeasement of Terrorist Organizations and Ways for their Integration into the Legitimate Political Process. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp.126-139. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.126-139

В истории есть случаи умиротворения и интеграции террористических организаций в легитимное политическое пространство. Однако очевидно и то, что далеко не все террористические группировки способны сложить оружие и превратиться в политические партии или общественные организации. Попытаемся выяснить, у каких террористических организаций больше шансов быть интегрированными в общество? Каковы условия и способы не силового умиротворения терроризма?

Исследование терроризма сопряжено с рядом трудностей оценочного характера. Например, партизаны и национально-освободительные движения, которые в политической риторике часто представлены как террористические, могут быть исключены из понятия «терроризм» [см.: Мальцев, Мальцева, Ломако, 2021]. Помимо этого, в определении терроризма часто присутствует идеологическая составляющая, которая при смене политического режима меняется, трансформируя «революционеров» в «террористов» и наоборот. Предпримем попытку построения типологии, которая, с одной стороны, будет исключать идеологическую нагруженность термина «терроризм», а с другой стороны, поможет обозначить самые общие основания способов интеграции террористических группировок в рамки легитимного политического процесса. Под терроризмом будем понимать «нелегитимное политическое противостояние в борьбе за власть с применением средств насилия в целях устрашения или физического устранения противника» [Изгарская, Лукьянов, 2021. с. 8].

Несложно заметить, что деятельность террористических организаций различается по акценту на внешние и внутренние по отношению к государству и подчиненному ему населению связи¹. Будем использовать эти различия в качестве переменных для создания типологии террористических организаций. Комбинация двух уровней – низкий, высокий – этих переменных дают четыре ясно различимые области, позволяющие описать в общих чертах типы террористических организаций, а также указать самые грубые границы возможностей их интеграции в легитимный политический процесс (рис. 1).

Тип 1. Высокий уровень влияния внутренних и низкий уровень влияния внешних связей. Деятельность террористических группировок может быть обусловлена в большей мере внутренними связями. Активность многих террористических организаций националистов и сепаратистов детерминирована этими связями. Их идентичность, их цели отражают связь с идентичностями и интересами определенных социальных групп, проживающих на территории, подконтрольной некоторому государству. Ресурсы такие организации получают главным образом из внутренних источников, как правило, это помощь населения, которое поддерживает террористов финансово, материально и пополняет их ряды. Террористическая деятельность направлена на представителей иной идентичности, которым приписывается образ врага, включая субъектов власти, обеспечивающих противнику системные превосходства (как реально существующие, так и воображаемые, опирающиеся на стереотипы, проявление ксенофобии и др.). Такие организации имеют устойчивый

¹ О взаимосвязях внешних и внутренних факторов в объяснительных моделях см.: [Изгарская, 2008]

характер и при определенных условиях могут быть интегрированы. Примерами интеграции организаций данного типа могут быть: баскская террористическая организация ЭТА; «Ирландская республиканская армия» (ИРА); «Корсиканский фронт национального освобождения».

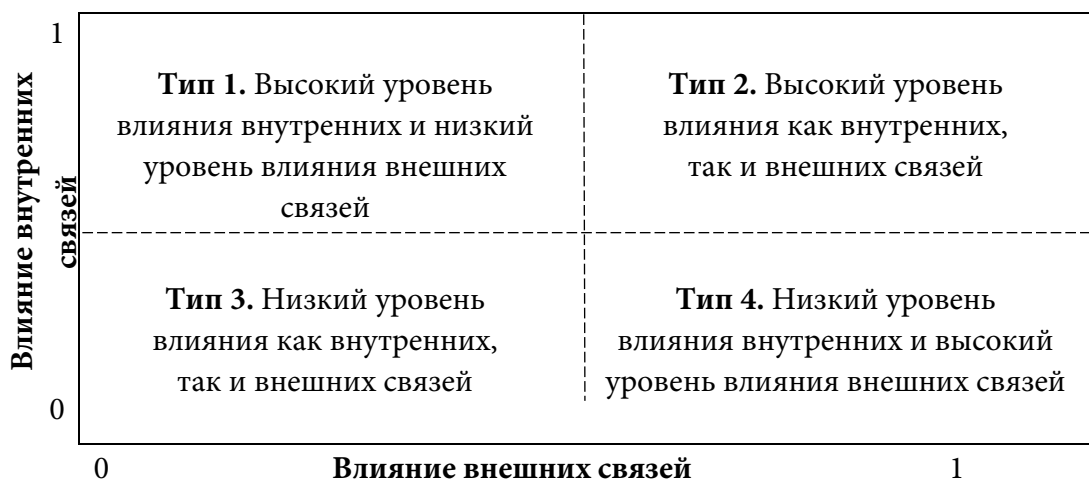

Рис. 1. Типы террористических организаций в грубом обобщении

Тип 2. Высокий уровень влияния как внутренних, так и внешних связей. Деятельность террористических организаций второго типа детерминирована как внешними, так и внутренними связями. Такие группы имеют не только массовую поддержку населения внутри контролируемой государством территории, но и существенные связи, помощь и поддержку за ее пределами. В данном случае источники ресурсов диверсифицированы. Часто это националистические, сепаратистские террористические организации, исповедующие одну из идеологий, имеющих международное влияние. Внешняя содействующая сила часто имеет общую культурную, религиозную идентичность, как с террористами, так и с поддерживающим их населением, живущим на территории подвергающегося атакам государства. Например, Греция оказывала поддержку кипрской ЭОКА на начальном этапе деятельности организации, а Ливия выступала посредником в переговорах между правительством Филиппин и «Фронтом национального освобождения море». Группировки такого типа способны добиваться значительных успехов в борьбе за власть. В этом плане следует назвать движение «Талибан»², палестинскую ФАТХ, филиппинский «Фронт национального освобождения море», колумбийскую ФАРК, еврейскую подпольную вооруженную организацию «Иргун». Эти группировки также имели и внутреннюю, и внешнюю поддержку. Например, ФАТХ и «Фронт национального освобождения море» получали финансовую и вооруженную поддержку от исламских государств, которые могли выступать посредниками в международных переговорах и в переговорах с правительствами. Движение «Талибан»³ получало материальную поддержку от ОАЭ и Пакистана. Куба была посредником в переговорах между ФАРК

² Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

³ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

и колумбийским правительством. «Иргун», применявшая методы террора по отношению к арабам и англичанам в 1931–1948 гг., получала помощь от ряда государств и от зарубежной диаспоры. Внешняя поддержка позволяет таким организациям пережить крупномасштабные антитеррористические военные операции, когда внутренние ресурсы недостаточны.

Тип 3. Низкий уровень влияния как внутренних, так и внешних связей. Данный тип характеризуется низким уровнем влияния как внутренних, так и внешних связей. Это могут быть потерявшие всякую поддержку группы террористов или неустойчивые образования, не способные сформировать полноценную террористическую организацию. Такими являются террористы-наемники, которые готовы участвовать в террористической деятельности исключительно за материальное вознаграждение, не утруждая себя выбором идеологии и представлениями о «служении народу». Такие группы, как правило, являются ресурсом для других террористических групп.

Тип 4. Низкий уровень влияния внутренних и высокий уровень влияния внешних связей. Деятельность террористических организаций данного типа детерминирована в большей мере связями с внешним источником террористической активности. Данный тип противоположен первому типу. Агрегирование необходимых для деятельности ресурсов здесь обеспечивает связь с некоторым внешним центром или сетевой структурой, которые являются носителями просистемной или антисистемной идеологии (в терминах миросистемного подхода). Цель задается внешним источником, а идеология определяет идентичность группировки. Поскольку они практически не зависят от поддержки местного населения, такие террористические организации более мобильны, но их перспективы быть интегрированными в легитимный политический процесс при сохранении господствующего политического режима невелики. Примерами интеграции террористических организаций, произошедшими после смены политического режима, могут быть сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти», чилийское «Левое революционное движение», уругвайский «Тупамарос». В случае разгрома группировок данного типа, их члены могут перейти в другие идеологически близкие террористические организации, в том числе действующие на территории других государств.

Террористические организации могут усиливать и терять внешние и внутренние связи. Данная динамика ведет к изменению положения террористической группы в типологии.

Стоит отметить, что наибольших успехов в плане интеграции в политическую систему достигли организации, которые принято относить к националистическим, сепаратистским и леворадикальным группировкам, в типологии это первый и второй типы. Такие группировки имеют опору на определенные национальные, этнические или, в случае Индии, кастовые группы, часто имеющие общую с террористами религиозную идентичность. Данная связь не только обеспечивает террористам поддержку со стороны населения (вербовку новых членов, финансирование, укрытие от политического или военного преследования), но и снижает эффективность антитеррористических силовых мер со стороны государства, поскольку даже ликвидация отдельной террористической группы не влечет за собой устранение напряженности и предпосылок для восстановления террористической активности. Массовая поддержка басками деятельности ЭТА, поддержка ирландцами действий организаций-последователей ИРА («Преимственная ИРА», «Подлинная ИРА») ограничивали

их государства в использовании против террористов военных и ряда полицейских средств, но способствовали попыткам правительств решить проблему мирным путем.

Организации второго и четвертого типов в политической риторике и научной литературе часто определяются термином «международный терроризм», под которым чаще всего понимают организации, чьи цели и идеологии можно охарактеризовать как антисистемные. Такое утверждение не лишено оснований. Поскольку, как отмечает Д. Рапорт, международный терроризм возник в 1970-е гг., когда начали активно развиваться леворадикальные террористические группировки, которые имели тесные связи и некую общую цель – международную революцию [Raport, 2008, pp. 55-56]. Однако такое понимание серьезно сужает представление о современном терроризме. Международный терроризм может иметь просистемные цели. Это могут быть вооруженные группы, организованные и / или поддерживаемые лидирующими державами с целью упрочения своих позиций в существующем миропорядке, но средствами, выходящими за рамки международного права. Такой организацией была, например, Аль-Каида⁴ (тип 4) в период Холодной войны.

Теперь подробнее обозначим условия и способы интеграции террористических организаций. С этой целью обобщим ряд идей инструментального и организационного подходов к исследованию терроризма в зарубежной научной традиции. Представители инструментального подхода, например Т. С. Шеллинг [Schelling, 1966, pp. 8-16] и А. Шмид [Schmid, 2005, p. 127], рассматривают терроризм как экономически выгодную альтернативу открытому военному противостоянию, требующему значительно больших ресурсов и сил. Терроризм используется как инструмент снижения затрат, которые бы в результате бездействия были бы непомерно большими. Терроризм оказывается более дешевым, доступным и действенным инструментом достижения цели. Однако инструментальный подход, рассматривающий терроризм лишь как средство, к которому группа прибегает или от которого отказывается, не обеспечивает необходимую онтологию для объяснения процессов интеграции террористических организаций в политическую систему.

Организационный подход трактует терроризм исходя из внутренней динамики организации. Онтология данного подхода позволяет описать процесс и условия интеграции террористических организаций в государственную и даже в международную политическую систему⁵. Его представители (П. Уилкинсон [Wilkinson, 1977], М. Креншоу [Crenshaw, 1981]) исходят из того, что выживание является базовой целью любой организации. Однако люди, занимающие в ней руководящие должности, ориентированы на более значимый результат. «Их целью является продвижение и развитие организации» [Crenshaw, 2008, p. 19]. Террористическая организация понимается как корпорация, действующая в агрессивной среде в условиях конкуренции и противостояния. Деятельность организации ориентирована на интересы бенефициаров, которыми могут быть члены группировки, субъекты, предоставляющие финансирование, а также целые группы населения. Цели и средства могут меняться в зависимости от ситуации, однако базовая цель – выживание группировки –

⁴ «База» («Аль-Каида») запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Примерами международной интеграции могут быть ФАТХ и ХАМАС в Палестине, Движение «Талибан» (запрещено на территории Российской Федерации) в Афганистане.

всегда является приоритетной. Поэтому особое внимание в организациях уделяется сохранению сплоченности и солидарности. Сплочение, по мнению М. Креншоу, достигается на основе мнения большинства о целях и возможности применения насилия. Например, несогласные с насильственными методами члены группировки будут вынуждены поддержать решение о проведении теракта с большим количеством жертв, если оно будет опираться на мнение большинства [Crenshaw, 2008, p. 20].

Близость онтологии организационного подхода концептам экономики позволила М. Креншоу дополнить собственные теоретические конструкции идеями экономической теории организационных императивов А. О. Хиршмана. Согласно теории А. О. Хиршмана, на выживание организации большее влияние оказывает не политика государства, а именно сплоченность ее членов. При этом деятельность организаций различается в конкурентных и в неконкурентных средах [Hirschman, 1970, pp. 78-80]. М. Креншоу обратила внимание, что соперником террористических группировок часто выступает не государство, а другие схожие по целям террористические организации. Конкурирующие террористические организации существовали, например, на Филиппинах, где столкнулись «Национальный фронт освобождения моро» и «Исламский освободительный фронт моро». Соперничество между ними усилилось в 1996 г., когда «Национальный фронт» заключил соглашение с правительством, после чего несогласные члены перешли в конкурирующую организацию. Другим примером конкуренции можно назвать Палестину, где организации ХАМАС и ФАТХ фактически разделили между собой сферы влияния. Наличие конкуренции подталкивает террористические организации к развитию и к дополнительному материальному или нематериальному стимулированию своих членов. Если конкурентов, предлагающих привлекательную альтернативу, нет, то при определенных условиях в организации может произойти раскол, и несогласные члены способны создать свою группировку. Так, например, произошло с «Ирландской республиканской армией», расколовшейся на «Временную ирландскую республиканскую армию» и «Рабочую Партию Шинн Фейн». Другим примером можно назвать армянскую террористическую группировку «АСАЛА». Разногласия между ее членами привели в 1982 г. организацию к расколу на две группы – военизированное крыло АСАЛА, продолжившее террористические акции против Турции совместно с леворадикальными группировками Сирии и Палестины, и на «Армянское революционное движение», которое было менее радикальным и следовало тактике избирательного террора⁶.

В неконкурентной среде существенным препятствием для выхода из организации оказываются высокие затраты, которые члены группы внесли в ее развитие и деятельность. Чем больше члены группы связаны с деятельностью организации, например, личным участием в терактах или финансовой поддержкой, тем сложнее для них будет выйти из организации и обустроить свои жизни за пределами ее структур. Члены террористической группировки будут склонны продолжать свою деятельность ради успеха, имеющего лишь вероятностный характер, или с целью возместить хотя бы часть своих затрат [Crenshaw,

⁶ В случае «Ирландской республиканской армии» другие группировки, как например «Ирландское освободительное движение», не смогли предложить привлекательной альтернативы, что и привело к расколу, а не к переходу несогласных в состав другой организации. В случае «АСАЛА» конкурирующих групп не было, поэтому кризис привел к расколу организации.

2008, р. 23]. В неконкурентной среде террористическая группировка, особенно при наличии жестких методов управления по отношению к рядовым членам, может сплотиться и преодолеть внутренние разногласия. Однако если государство предоставит возможность мирного выхода и амнистию рядовым членам террористической организации, то она может прийти в упадок. Отказ от противоправных действий окажется привлекательной альтернативой. Примером такой успешной политики могут быть законодательные инициативы, предпринятые итальянским правительством во второй половине 1980-х гг. по отношению к «Красным бригадам». Еще одним примером создания условий для добровольного отказа от террористической деятельности можно назвать результаты политики российского правительства в Чеченской республике после Первой чеченской кампании.

Таким образом, можно сформировать ряд гипотез, объясняющих динамику сплоченности террористических организаций. Во-первых, неконкурентная среда позволяет террористической организации добиваться наибольшего уровня сплоченности. Во-вторых, конкурентная среда снижает уровень сплоченности и повышает возможность принятия предложенной государством альтернативы. В-третьих, привлекательность альтернативы, предложенной государством группировкам первого и второго типов, способствует их внутреннему расколу и росту конкуренции.

Для объяснения динамики террористических групп в организационном подходе используются понятия «предпосылки» и «катализаторы». *Предпосылки* – объективные условия, которые в долгосрочной перспективе подготавливают почву для терроризма. Предпосылки могут быть различными. Таковыми могут быть факторы, способствующие росту националистических и сепаратистских настроений. И М. Креншоу и П. Уилкинсон одной из наиболее значимых предпосылок возникновения террористической деятельности называют отсутствие возможности легального политического участия [Wilkinson, 1977, pp. 54-55]. Наиболее яркими примерами здесь могут быть такие леворадикальные группировки, как «Фракция Красной армии» в ФРГ и «Красные бригады» в Италии, причиной появления которых стал запрет коммунистических партий в Западной Европе.

Следует подчеркнуть, для большинства леворадикальных группировок предпосылкой террористической деятельности выступало отсутствие доступа к легальной политической борьбе. В случае появления возможности политической деятельности, многие группировки отказывались от терроризма и начинали интеграцию в легальные политические структуры. Такому пути последовали чилийское «Движение революционных левых», уругвайский «Тупомарос» и сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти». Помимо этого, леворадикальные в отличие от праворадикальных группировок, имеют ряд характеристик, которые способствуют политической интеграции. Во-первых, они опираются на более многочисленные группы населения (средний класс и беднота, студенты). Все леворадикальные группировки, достигшие некоторой степени интеграции, возникли на периферии и полупериферии, а именно в Латинской Америке и в Юго-Восточной Азии. Это государства с высокой долей бедного населения (преимущественно сельского), которое обеспечило террористическим группировкам необходимую поддержку и вербовочный ресурс. Во-вторых, леворадикальные организации более консолидированные, чем праворадикальные, что делает их более устойчивыми в плане выживания и позволяет добиваться переговоров с правительством. Заключая союзы, эти организации могут

усиливать друг друга. Они способны формировать тесные отношения по обмену опытом, информацией и ресурсами. Подобные отношения они могут поддерживать с близкими по идеологии группировками, действующими в других государствах.

Переход на мирные рельсы не означает автоматического исчезновения организации. Ее сохранению будут способствовать: наличие развитой инфраструктуры (например, действующей вербовочной сети); возможность легализовать каналы финансирования; получение (в ряде случаев) иностранной поддержки. В таком состоянии группировка в качестве политической силы может конкурировать с другими политическими партиями и расширять свое влияние. Примером может быть действующий на Филиппинах «Фронт национального освобождения моро». Отказавшись от насильственных действий в пользу мирного политического процесса, имея большее число сторонников, легальное финансирование и поддержку представителей других мусульманских стран (в частности, Ливии во времена правления М. Каддафи), данная организация смогла не только удержаться у власти, но и активно бороться со своими бывшими союзниками, такими как «Исламский фронт освобождения моро». Она переманивала их членов в свои ряды и, таким образом, подрывала социальную базу своего конкурента. Другим примером является сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти». Еще в период гражданской войны (1979–1993 гг.), являясь одной из сторон конфликта, данная организация получила признание в качестве легальной политической силы у правительства Франции, Мексики и Норвегии. Вслед за этим она обрела легальный статус внутри страны. После окончания гражданской войны «Фронт» начал успешный процесс агрегации своих сторонников, в том числе поглощая членов более слабых партий. Доверие населения к этой партии было столь велико, что с 2009–2019 гг. президентами страны были ее представители, а на выборах в 2015 г. «Фронт» получил более трети всех мест в парламенте. Противоположным случаем может быть история чилийской группировки «Левое революционное движение». В результате активных действий правительства организация лишилась своих основных сил и смогла сохранить только активное ядро. После либерализации страны в 1980-е гг. произошел раскол внутри группы, при этом сторонники мирного политического процесса не смогли создать самостоятельную политическую партию. Члены организации пополнили ряды других политических партий.

Сами предпосылки не являются достаточными для начала террористической деятельности. М. Креншоу отмечает, что «объективные условия, вызывающие недовольство и подстрекающие к насилию, являются постоянными, тогда как само насилие не является непрерывным или универсальным» [Crenshaw, 2008, p. 21]. Для перехода к насилию должны появиться *катализаторы* – события, которые не только мотивируют и вдохновляют террористов, но и оправдывают их действия в глазах местных жителей и /или международного сообщества. Составить список всех катализаторов, как отметил представитель инструментального подхода А. Шмидт, не представляется возможным. Однако, обобщая исторический опыт, он выделил следующие катализаторы: антитеррористические меры, которые привели к множеству жертв; унижение группы или ее сторонников; мирные переговоры конкурирующей группы с правительством; лишение

права участвовать в выборах; угрозы группе или ее сторонникам в результате действий правительства; наступление важных символических дат [Schmid, 2005, p. 133]. Например, казнь британским правительством участников «Пасхального восстания» (1916) привела к созданию «Ирландской республиканской армии», а убийство в ФРГ активиста Бенно Онезорга (1967) повлекло создание организации «Фракция Красной армии».

В случае отсутствия катализатора предпосылки не ведут к возникновению насилия. Так, независимость Шотландии поддерживает около трети ее населения, но наличие официального политического представительства и определенной автономии позволили сохранить мирный характер борьбы за независимость.

Теперь опишем способы интеграции террористических группировок в легитимный политический процесс. Данные способы различаются по уровню принятия политической системой требований группировки и ее роли в легитимном политическом процессе.

Первый способ интеграции – захват верховной власти, формирование политической элиты и интеграция в международный политический процесс. В качестве примера можно привести захват власти в Афганистане в 2019 г. движением «Талибан»⁷. Примерами могут быть еврейская террористическая группировка «Иргун», палестинские группировки «Движение за национальное освобождение Палестины» (ФАТХ) и «Хезболла», имевшие подконтрольную территорию.

В настоящее время большинством государств мира «Талибан»⁸ не признается легитимной властью в Афганистане. Однако представители движения выстраивают официальные международные отношения с РФ, КНР, Индией для решения отдельных вопросов, связанных с безопасностью, торговлей и транзитом. Палестина получила в 1986 г. официальный статус наблюдателя в ООН и признание в 1994 г. как территории с официальной администрацией (без суверенитета). Оба палестинских эсклава, а именно Западный берег реки Иордан и Сектор Газа, фактически управляются сторонниками ХАМАС и ФАТХ, которые признаны террористическими организациями в Израиле и в ряде других государств. ФАТХ после подписания соглашений в Осло (1993 г.) официально отказалось от террористической деятельности, но Израиль до сих пор обвиняет и ХАМАС, и ФАТХ в поддержке терроризма и следованию «политике вращающихся дверей»⁹.

Группировка «Иргун» после получения Израилем независимости самораспустилась, ее боевые формирования вошли в состав ЦАХАЛ (армия обороны Израиля). На базе «Иргун» было создано политическое движение «Херут», ставшее социальной основой партии «Ликуд». Возглавил партию бывший лидер террористической группировки «Иргун» Менахем Бегин (в дальнейшем министр обороны и премьер-министр Израиля).

Второй способ интеграции – признание правительством организации в качестве легальной политической силы в результате переговоров (с участием третьей стороны). Обычно стороны переходят к переговорам, если конфликт затягивается и ни одна из сторон не может достичь успеха. Организация в таком случае чаще всего не достигает всех своих целей, однако правительство идет на ряд значимых уступок. Интеграции через переговоры

⁷ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

⁸ Движение «Талибан» запрещено на территории Российской Федерации.

⁹ Арест террористов в целях успокоения общественности сопровождается последующим их освобождением.

с правительством смогли достичь филиппинский «Фронт национального освобождения моро», сальвадорский «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти», индийская «Дал Халса» и ирландская ПИРА. У ПИРА и «Фронта национального освобождения моро» изначально была возможность мирного политического участия, у «Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти» такая возможность появилась после окончания гражданской войны, а у «Дал Халса» она возникает после снятия юридического запрета на политическую деятельность. Во всех случаях инициатором переговоров было правительство, готовое идти на уступки. Следует отметить, что переговоры могут проходить с участием третьей стороны. Например, ООН участвовала в мирном процессе в Сальвадоре, а Ливия была посредником в переговорах на Филиппинах.

Третий способ интеграции – добровольный, исходящий из внутренних причин (без внешнего давления) отказ от терроризма и переход к легальной политической деятельности при сохранении группировки. Такой способ используется в случае полной или частичной неудачи группировки в достижении своих целей силовыми методами. Добровольно об отказе от вооруженной борьбы объявляли гватемальская «Партизанская армия бедняков», индийские наксалиты и чилийское «Левое революционное движение». В Гватемале и в Чили у группировок изначально не было возможности для мирной политической борьбы, но после демократизации режимов запреты на политическую деятельность были сняты. Наксалиты напротив, изначально существовали как вооруженное крыло «Коммунистической партии Индии», деятельность которой в целом была разрешена, а переход к вооруженной борьбе был вызван в основном идеологическим кризисом, возникшим на фоне охлаждения отношений между СССР и Китаем. Во всех рассмотренных случаях группировки после отказа от вооруженной борьбы не сталкивались с препятствиями для существования в качестве легальных политических движений. Правительство предлагало интеграцию в политический процесс потерпевшим неудачу, но обладавшим значительной поддержкой местного населения террористам.

Четвертый способ интеграции – самоликвидация основного состава организации (с возможным частичным сохранением небольших маргинальных групп) и переход ее членов в состав легальных политических партий. Такой способ интеграции используется в случае, когда планомерно действующее правительство предоставляет возможность легального политического участия, при том что использование террористами силовых методов не обеспечивает им достижение целей. Важным моментом здесь является то, что, перейдя на легальное положение, организации не ассоциировались у населения и правительства с террористами и терактами. Например, корсиканские сепаратисты перешли в уже действующие политические партии, представители ЭТА создали партию «Амайур», члены «Тупамарос» организовали «Движение народного участия».

Оставив как перспективный вопрос о соотношении типов террористических организаций и способов, а также уровней их интеграции в легитимный политический процесс, на основе уже полученных результатов (рис. 2) кратко проинтерпретируем ситуацию, сложившуюся в период Первой и Второй чеченских кампаний.

Следует отметить, что ситуация в России периода распада СССР может быть ярким примером вызревания предпосылок и наличия / отсутствия катализатора террористической деятельности. Сепаратистские предпосылки во время «Парада суверенитетов» в конце 1980-х – начале 1990-х гг. частично блокировались возможностью заключения двухсторонних

договоров с федеральным центром. Так, Республика Татарстан, объявившая о своем суверенитете, согласилась остаться в составе Российской Федерации при соблюдении особого статуса, который действовал до 2017 г. В случае Татарстана *катализатор отсутствовал*. Сепаратистские предпосылки в Чеченской республике дополнялись таким *катализатором*, как ввод войск ослабленным федеральным центром, проигнорировавшим фактический выход республики из-под управления.

Действующие во время Первой чеченской кампании (1994–1996) на территории самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) сепаратисты¹⁰ формировали террористические *группировки первого типа*, для которых характерен приоритет внутренних связей. Мощная поддержка местного населения была одной из главных причин успеха сепаратистов. Начавшийся в результате Хасавюртовских соглашений процесс соответствовал *второму способу интеграции*. Силловые способы борьбы с сепаратистами не были эффективными. Поскольку конфликт затягивался, и ни одна из сторон не могла достичь успеха, федеральное правительство выступило с инициативой мирных переговоров. Посредником выступал представитель Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Представители ЧРИ пошли на уступки, согласившись на отказ от незамедлительного предоставления республике независимости, а также от требования вступления в ООН. Статус территории ЧРИ не был определен, ее юридическая независимость не была признана на международном уровне. Однако в результате Хасавюртовских соглашений федеральные войска выводились с территории республики, а местная власть формировалась местными силами, и, по сути, была неподконтрольна федеральному центру.

Неопределенность ситуации вела к росту разногласий и конкуренции внутри добившихся успеха сил ЧРИ, что в конце 1990-х гг. приводит к кризису и *расколу* внутри сепаратистского движения. Для части боевиков во главе с А. Масхадовым становится *привлекательной альтернатива*, продвигаемая федеральным центром, войти в качестве автономии в состав Российской Федерации. Другая часть боевиков, представленная братьями Ахматовыми и арабскими наемниками, следовала идеям ваххабизма, их цели не были связаны с интересами чеченского народа. Предложенная противникам ваххабизма альтернатива восстановления и сохранения Чеченской республики в составе Российской Федерации привела к тому, что с началом Второй чеченской кампании (1999–2009), была сформирована пророссийская администрация во главе с муфтием А. Кадыровым. В ее состав вошли некоторые бывшие бригадные генералы – сторонники сепаратизма (например, братья Ямадаевы). Противостоящие новой администрации и федеральным силам сторонники ваххабизма должны быть отнесены к *группировке четвертого типа*. Они обладали существенными внешними связями, но не имели необходимой поддержки у местного населения, что в итоге привело их группировки к разгрому. В свою очередь поддержавшие федеральные силы бывшие представители сепаратистского движения отказались от своих первоначальных целей, смогли получить власть в республике посредством выборов и сохранить управление военными и силовыми структурами. Обращает на себя внимание факт, что, перейдя к мирному существованию, бывшие чеченские сепаратисты не создали

¹⁰ Были отнесены к террористам, в том числе зарубежными правительствами и СМИ, после совершения терактов в Буденновске и других городах Российской Федерации.

свою единую политическую партию, но многие из них, включая Р. Кадырова, стали членами действующих российских политических партий, что соответствует *четвертому способу интеграции*.

Делая выводы, необходимо подчеркнуть, что результаты имеют лишь предварительный характер, полученные теоретические конструкции требуют дальнейшего уточнения понятийного аппарата и верификации причинно-следственных связей. Но уже сейчас видно, что полученная типология, теоретическая модель и обозначенные способы интеграции могут быть основанием анализа и интерпретации конкретных случаев интеграции террористических группировок в легитимный политический процесс.

Рис. 2. Сохранение и интеграция группировки в легитимный политический процесс

Список литературы / References

- Баранов, А. В. (2005). Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект. *Южно-российский журнал социальных наук*. № 3. С. 107-123.
- Baranov, A. V. (2005). Separatism in the modern world: political and territorial aspect. *South Russian Journal of Social Sciences*. no. 3. pp. 107-123. (In Russ.)
- Изгарская, А. А., Лукиянов, Н. Е. (2021). Терроризм в современной мирозистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования. *Дискурс*. Т. 7. № 6. С. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16

Izgarskaya, A. A., Lukyanov, N. E. (2021). Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research. *Discourse*. 2021. Vol. 7. no. 6. pp. 5-16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16 (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2008). Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. Т. 6. № 2. С. 96-101.

Izgarskaya, A. A. (2008). External and internal factors in theoretical models of social development: the theory of modernization and paradigms of the theory of international relations (assessment of cognitive potential). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 6. no. 2. pp. 96-101. (In Russ.)

Лихачев, К. А. (2011). Особенности развития терроризма в Республике Индии во второй половине XX века. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 16. № 1. С. 71-80.

Likhachev, K. A. (2011). Features of the development of terrorism in the Republic of India in the second half of the 20th century. *Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations*. Vol. 16. no. 1. pp. 71-80. (In Russ.)

Мальцев, К. Г., Мальцева, А. В., Ломако, Л. Л. (2021). К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. № 4. С. 173-184. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

Maltsev, K. G., Maltseva, A. V., Lomako, L. L. (2021). Towards the distinction between «partisan» and «terrorist» in two political paradigms. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. no. 4. pp. 173-184. (In Russ.)

Crenshaw, M. (1981). The Causes of Terrorism. *Comparative Politics*. no. 4. pp. 379-399. DOI: 10.2307/421717

Crenshaw, M. (2008). Theories of terrorism: Instrumental and organizational approaches. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 10. no. 4. pp. 13-31. DOI: 10.1080/01402398708437313

Rapoport, D. C. (2008). The International World as some Terrorists have seen it: a Look at a Century of Memoirs. *Journal of Strategic Studies Political Psychology*. Vol. 10. no. 4. pp. 32-58.

Schelling, T. C. (1966). *Arms and Influence*. New Haven. CT. Yale University Press.

Schmid, A. (2005). Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model. *Democracy and Security*. no. 2. pp. 127-136. DOI: 10.1080/17419160500321139

Hirschman, A. O. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Wilkinson, P. (1977). *Terrorism and the liberal state*. London. Macmillan.

Сведения об авторах / Information about the authors

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Лукьянов Николай Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Lukyanov Nikolay – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>.

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023